

Хо Цзэдун прикрыл веки, подавляя вспыхнувшую в глубине души жажду разрушения.

— Разберись здесь со всем, — холодно распорядился он, обращаясь к подчиненному. — Сделай так, чтобы это его не коснулось. И проследи, чтобы тот человек больше никогда не попадался нам на глаза.

С этими словами он направился к стоявшему у обочины «Майбаху».

Солнце уже клонилось к закату, и вечерняя заря окутала небо. Высокие платаны, выстроившиеся вдоль дороги, отбрасывали на асфальт бледные тени.

Высокий, длинноногий мужчина с плотно сжатыми тонкими губами замер у автомобиля. От него веяло холодом; ледяная аура Хо Цзэдуна заставляла случайных прохожих невольно ускорять шаг, стараясь держаться подальше от этого опасного человека в безупречном костюме индпошива.

Его длинные пальцы с отчетливо проступающими косточками легли на дверную ручку, но он медлил. В лакированной поверхности кузова отражались его полуопущенные ресницы. Хо Цзэдун не открывал дверь. Лишь спустя долгую паузу он негромко постучал в стекло и тихо позвал:

— Малыш...

Он хотел спросить: «Ты боишься меня?». Но вопрос замер на губах, ведь ответ был очевиден — конечно, его сокровище напугано.

Даже в глазах собственного отца он видел этот необъяснимый страх, будто он был не сыном, а чудовищем. Что уж говорить о крохе, которого он оберегал пуще зеницы ока? Цзян Лоло был трусливее кролика — стоило лишь немного его напугать, и слезы градом катились из его глаз.

Альфа на мгновение замялся, но в этот момент дверь открылась изнутри.

Юноша сидел на заднем сиденье, его глаза покраснели от слез, а во взгляде дрожал страх. Он робко смотрел на него. Сердце мужчины болезненно сжалось.

— Не бойся... — хрипло проговорил он. — Я здесь, я не сяду в машину, если не хочешь...

Он хотел сказать еще многое. Что никогда не причинит ему вреда, что будет защищать его вечно... Но Цзян Лоло уже рыдал, и крупные, хрустальные капли разбивались о сердце альфы.

Хо Цзэдун почувствовал, как в горле встал ком. Его маленький омега, захлебываясь слезами, внезапно потянулся к нему и, прерывисто всхлипывая, бросился в его объятия.

— Хо Цзэдун... — раз за разом повторял он сквозь рыдания. — Хо Цзэдун...

Мужчина осторожно, словно боясь сломать, прижал его к себе. Юноша, дрожа всем телом, зарывался лицом в его грудь, повторяя:

— Мне страшно...

Он действительно был напуган.

Хо Цзэдун опустил взгляд и принялся методично поглаживать его по спине, помогая успокоиться.

«Глупыш. Разве ты не должен меня бояться? Почему же ты прячешься в моих объятиях? Ты ведь уже знаешь, насколько я опасен. Разве ты не должен бежать от меня как можно дальше?»

Мужчина смотрел на него пристально, но в итоге так ничего и не спросил. Он лишь нежно погладил Цзян Лоло по затылку, понизив голос до едва слышного шепота:

— Всё хорошо, больше не бойся...

Он аккуратно усадил омегу в салон и поднял перегородку. Юноша, с покрасневшими от слез глазами, прижался к его плечу, продолжая тихо всхлипывать. Влага от его слез ощущалась на коже Хо Цзэдуна холодком.

Достав салфетку, альфа принялся медленно вытирать дорожки слез с его лица. Обычно он не отличался многословием, но в этот момент и вовсе не знал, что сказать. Любые вопросы казались лишними — он и так довел своего малыша до слез.

Водитель, так и не дождавшись указаний, не решался трогаться с места.

— Хо-е, возвращаемся на виллу? — осторожно спросил он.

Хо Цзэдун не ответил. Кончиками пальцев он стер слезы с припухших век омеги.

— Малыш еще хочет возвращаться?

«Если он вернется и останется со мной один на один, не станет ли ему еще страшнее?»

Стоило ему договорить, как нежное личико снова исказилось. Цзян Лоло обиженно поджал губы, и слезы, точно оборванные нити жемчуга, хлынули с новой силой.

Хо Цзэдун окончательно растерялся. Он всего лишь спросил, он еще ничего не сделал, почему же малыш снова плачет...

Мужчина с нежностью обхватил его лицо ладонями:

— Ну всё, не плачь... Если не хочешь возвращаться, мы не поедem...

У него было достаточно недвижимости. Он мог бы поселить сокровище в другом месте и постепенно его успокаивать. Но стоило ему заикнуться об этом, как омега зарыдал еще горше.

Цзян Лоло бросился к нему, обвивая руками шею, и, размазывая слезы по его коже, прохрипел сквозь икоту:

— Я так и знал... Я знал, что ты хочешь от меня избавиться...

— У-у-у, ты больше меня не любишь...

— Ты хочешь меня бросить...

— Домой! Едем домой! Сейчас же домой! — поспешно согласился Хо Цзэдун, и машина тут же сорвалась с места.

Альфа чувствовал себя одновременно беспомощным и бесконечно растроганным. Он впервые в жизни осознал это чувство: когда боишься лишний раз сжать в руках, чтобы не сломать, и боишься отпустить, чтобы не исчезло.

Он готов был на всё, лишь бы юноша перестал хмуриться и ронять слезы.

Хо Цзэдун раз за разом целовал его в щеки, осушая влагу, и тихо уговаривал:

— Не плачь. Как муженёк может тебя бросить?

— Разве в целом мире есть кто-то дороже нашего Лоло?

— Ты ведь самое любимое сокровище для своего мужа, правда?

— Почему же ты роняешь эти золотые капельки-слезинки?

— Дай-ка посмотрю, не слишком ли покраснели твои глазки...

Наконец плач стих. Юноша лишь крепко прижимался к нему, стараясь всем телом вжаться в Хо Цзэдуна, а его пальцы судорожно сжимали рукав пиджака. Будто он боялся, что тот может сбежать.

Сердце альфы окончательно оттаяло, словно его коснулась мягкая кошачья лапка.

«Разве ты не боишься своего мужа?»

Он осторожно коснулся лица Лоло, чувствуя, как в душе смешиваются горечь и сладость.

«Почему же ты, даже если боишься, так крепко в меня цепляешься?»

Маленький омега поднял на него свои заплаканные глаза. Покрасневший кончик носа делал его вид совсем уж жалким. Его охрипший голос звучал слабо, но с неожиданным упрямством:

— А если боюсь, значит, мне уже и держаться за тебя нельзя?!

Он вытер глаза своей белой ладошкой и бесцеремонно вытер испачканные слезами руки о пиджак Хо Цзэдуна. Длинные ресницы задрожали, бросая на веки густые тени. В этом жесте было столько капризного безрассудства, когда юноша еле слышно добавил:

— Всё равно я буду за тебя держаться.

С самого появления в этом мире Лоло знал, что его цель — Хо Цзэдун — далеко не святой. Как-никак, он был тем самым антагонистом, способным разрушить весь мир.

Когда Линь Чжи со всеми подробностями описывал свои мучения, Цзян Лоло действительно было страшно. И пока он сидел один в машине, ожидая, страх не отпускал его. Но стоило альфе появиться перед ним, как он больше не смог сдерживаться.

Он боялся, он чувствовал себя несправедливо обиженным и просто не мог не броситься в его объятия. Только рядом с Хо Цзэдуном он чувствовал себя в безопасности.

Он точно знал: Хо Цзэдун никогда не причинит ему вреда.

В машине на некоторое время воцарилась тишина. Внезапно мужчина склонился и поцеловал его в глаза. Резкие черты его лица смягчились от едва заметной улыбки, а голос стал низким:

— Конечно, ты можешь держаться за меня. Разве есть на моем теле место, которое я бы тебе

не доверил?

Щеки Лоло медленно залил густой румянец. Он не обладал такой толстокожестью, как его муж, и в словесных перепалках всегда проигрывал. Встретившись с его глубоким взглядом, он в смятении прикрыл ладошками глаза альфы:

— Ты обещал мне мороженое! Я его еще не ел!

Мужчина тихо рассмеялся. Хо Цзэдун отвел его маленькие ручки и прижался губами к ладони.

— Хорошо. Обещаю, сегодня наш малыш его обязательно получит.

Словно от удара током, Лоло отдернул руку и наугад ткнул пальцем в сторону окна:

— Тогда купим прямо здесь!

Роскошный «Майбах» стоимостью в целое состояние замер у обочины. Хо Цзэдун в своем безупречном костюме покорно стоял в очереди в известный дешевизной магазин молочного чая и потратил три юаня на мороженое.

Это был рожок — смесь ванильного и матча.

Маленький омега, казалось, был очень счастлив. Он принял угощение из рук мужа, откусил самый кончик и довольно зажмурился.

Вокруг было слишком многолюдно. Опасаясь, что Лоло могут задеть, Хо Цзэдун обнял его за плечи, бережно защищая.

— О боже, какой красавец!

— Смотри, смотри быстрее!

— Мой бог, у них разница в росте сантиметров двадцать, не меньше! Самая милая разница в росте!

— Быстрее, дай мне место, я хочу сфоткать!

— Мамочки! С такой внешностью и фильтры не нужны, можно сразу на обои ставить!

Основными посетителями таких заведений всегда были молодые девушки, а сейчас был час

пик. Появление статного Хо Цзэдуна с Цзян Лоло вызвало настоящий переполох. Большинство, впрочем, вели себя сдержанно, лишь украдкой бросая взгляды или толкая подруг.

Но теперь, когда они повернулись, чтобы уйти, шепотки стали смелее. Хо Цзэдуну было трудно притворяться, что он ничего не слышит. К счастью, в этих возгласах не было злобы. Он прикрыл лицо Лоло рукой, скрывая его от любопытных глаз.

— Пойдем, малыш.

Пусть болтают.

Выйдя из толпы, Лоло медленно слизнул каплю с рожка там, где он уже начал подтаивать. Он слегка склонил голову набок и, глядя на Хо Цзэдуна, пропел капризным голоском:

— Малыш доест его здесь, и только потом мы сядем в машину...

Мужчина заслонил его своим телом от чужих взглядов — ему нестерпимо хотелось спрятать это сокровище ото всех. Он почувствовал, как в горле пересохло, а взгляд стал тяжелым:

— Малыш, не стоит так есть на улице.

Лоло поднял на него личико и лукаво улыбнулся, точь-в-точь как котенок, задумавший какую-то шалость.

— Не хочу!

— Мне нравится так есть!

Словно нарочно дразня альфу, он повторил это еще несколько раз. А затем, словно невзначай, слизнул каплю с пальца, погрузив его в свои алые губы. Его глаза призывно замерцали — в этом жесте сквозила осознанная власть того, кто знает, что его балуют.

Хо Цзэдун молча наблюдал за ним, и в глубине его зрачков плясали опасные огни.

— И это всё? — он намеренно растянул слова, словно бросая вызов. — Есть еще приемы?

Маленький омега внезапно почувствовал, что атмосфера стала пугающе напряженной. Он закусил губу, сжимая рожок.

— Б-больше нет...

— О? — Хо Цзэдун положил тяжелую ладонь ему на плечо и слегка наклонился, будто ему было мало этого зрелища. — И это всё?

Лоло запнулся и честно пролепетал:

— Правда, больше ничего нет.

Свободной рукой альфа коснулся его губ. В его голосе прозвучало нечто невыразимое:

— Неужели?

<http://bllate.org/book/15808/1444189>